

Лун
СОЛНЦА...

МегаМегафон

18+

МегаМегафон
Луч солнца

«Автор»

2026

МегаМегафон

Луч солнца / МегаМегафон — «Автор», 2026

Он — опасный заключённый, которого боятся даже охранники. Она — молодая практикантка, случайно оказавшаяся на его пути. Люба и представить не могла, что встреча с Русланом перевернёт её жизнь. Но сможет ли любовь изменить мужчину, привыкшего жить по жестоким законам?

© МегаМегафон, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

МегаМегафон Луч солнца

МегаМегафон
Луч солнца...

Глава 1

Он слышал всё.

Лежать с открытыми глазами в палате строгого режима, прикованным наручником к каркасу кровати — занятие скучное. Здесь даже потолок неинтересный, белый, без трещин. Слух — единственное развлечение.

— Ну пожалуйста... Я просто... я не готова. Я боюсь их, — голос за дверью дрожал, срывался на полусшепот. — Я могу остаться на посту, проверять коридор... Я даже на ночное останусь, только не надо меня туда заводить.

— Вы что, первокурсница? — рявкнул грубый голос, видимо, начальника смены. — Как вы лечить собрались, если боитесь?

— Я пока не врач. Я научусь, обещаю... Но сегодня, пожалуйста...

Пауза.

— Ладно. Сегодня вы дежурите в корпусе. Историю придумаем.

Шаги стихли.

Руслан улыбнулся в полумраке. Беззвучно, одними уголками губ.

Ему было не обидно. Обида — это для тех, кому есть дело до чужого мнения. А ему было просто... интересно. Её голос вибрировал так вкусно, так искренне. Она не притворялась. Она правда боялась.

Он нажал кнопку вызова охраны.

— Слыш, — сказал он спокойно, когда в динамике щёлкнуло. — У вас там практикантка новенькая, да? Которая зеков боится?

Тишина. Охрана на том конце провода, видимо, переваривала, откуда он знает.

— Пусть зайдёт коче ночью. В мою палату. Одна.

— Ты охренел? — наконец отозвался голос.

— Я не прошу, — так же ровно ответил Руслан. — Я предлагаю. Сделаете, как я сказал — месяц тишины. Никто не дёрнется, не заорет, не напишет жалобу. И вам спокойно, и мне не скучно. Ну?

Он ждал. Жалости в нём не было ни грамма. Только холодное любопытство хищника к тому, как бьётся сердце у загнанной в угол мыши.

Ночь.

Она вошла ровно в час.

Дверь приоткрылась с тихим скрипом, в проёме замерла тонкая фигура в белом халате, накинутом прямо на свитер. Свет из коридора вырезал её силуэт — узкие плечи, рука сжимает планшет так, что костяшки побелели.

Он не шевелился. Смотрел из темноты.

— Вы просили меня прийти, — её голос сел.

— Да.

— Зачем?

Он медленно сел на кровати. Цепь звякнула.

— Хочу посмотреть на человека, который боится меня так сильно, что готова работать сутками, лишь бы не пересечься.

Она молчала.

— Подойди.

Шаг. Ещё один. Её трясло. Он видел, как дрожит край халата.

— Ты думала, я буду злым? — спросил он тихо. — Буду кричать, угрожать, доказывать, какой я опасный?

Она не ответила.

— Мне скучно, — просто сказал он. — А ты — единственное живое, что случилось сегодня. Сядь.

Она села на край стула у двери.

— Ближе.

Она пересела.

Руслан наклонил голову, рассматривая её лицо. Глаза блестят, губы сжаты в нитку.

— Ты боишься не меня, — сказал он вдруг. — Ты боишься себя в этой палате. Думаешь: «А вдруг я не смогу защититься?» Или «А вдруг он увидит, какая я на самом деле слабая?»

Она всхлипнула.

— Я тебя не трону, — он говорил это так, будто обсуждал погоду. — Сегодня точно. Но ты пришла. Значит, где-то внутри ты хотела проверить, правда ли тут монстр. Или просто человек.

Он откинулся на подушку.

— Расскажи, как прошло твоё дежурство. Времени у нас много.

За окном шумел город, а в палате, пахнувшей казённым мылом и железом, молодая практикантка с ужасом понимала: он не мучитель. Он — зеркало. И оно отражает её страх без жалости, без злости, просто констатирует: «Да, ты боишься. И это забавно».

Глава 2

Люба не всхлипнула. Она заставила себя перестать дышать ртом и выровнять спину.

— Меня зовут Люба, — сказала она. Тихо, но без дрожи в голосе. — Не «ты». И я пришла не потому, что хотела проверить.

Руслан приподнял бровь. Ему стало чуть интереснее.

— А почему?

Она молчала несколько секунд. Пальцы всё ещё сжимали планшет, но теперь она сжимала его осознанно — как якорь, как щит.

— Потому что если я сейчас не войду, то уже никогда не смогу. Я буду всю жизнь обходить вашу палату по коридору, — она сглотнула. — Я не хочу так.

— Вашу, — повторил он. — Перестала тыкать. Молодец.

Она промолчала.

— И что теперь? Зашла, посмотрела на монстра. Убедилась, что рогов нет. Дальше что?

Люба подняла глаза. В полумраке блеснули белки.

— Дальше я буду вас лечить.

Руслан усмехнулся. Коротко, одними уголками губ.

— Я здоров.

— В вашей карте написано, что у вас гипертония и вы отказываетесь пить магнезию.

Он замер. Совсем чуть-чуть, почти незаметно. Люба заметила.

— Вас перевели сюда из следственного изолятора три дня назад, — продолжила она. — Утром вам должны были сделать ЭКГ, но вы сказали, что сломаете аппарат. Вечером вы не взяли ужин, хотя в меню было то, что вы любите. Я прочитала. В личном деле написано: плов.

Тишина. Теперь он смотрел на неё иначе.

— Ты прочитала моё личное дело?

— Я готовилась к дежурству.

— Зачем?

Люба положила планшет на колени. Руки перестали дрожать.

— Потому что я боюсь. А когда я боюсь, я читаю. Чем больше знаю — тем меньше страшно.

Он молчал долго. Потом откинулся на подушку и уставился в тот самый белый потолок без трещин.

— И что ты про меня знаешь?

— Что вы не едите сладкое. Что у вас была своя строительная фирма. Что вы здесь уже два года, хотя приговор — семь. И что утром к вам приходит адвокат, но после этих встреч вы всегда злее.

Руслан повернул голову. В темноте блеснули глаза — теперь не холодные, а внимательные. Оценивающие.

— Адвоката сменить не могу, — сказал он вдруг. — Жена наняла. Платит ему, значит, доверяет. А он кретин.

Люба не спросила, почему он говорит ей это. Не спросила, почему вообще говорит.

— Магнезию я пить не буду, — добавил он. — От неё тошнит.

— Есть таблетки.

— Таблетки я запивать не люблю.

— Тогда уколы.

— Иглы ненавижу.

Люба вздохнула. Коротко, почти беззвучно.

— Руслан... — она запнулась. Впервые назвала его по имени. — Вы не оставляете мне выбора.

— А ты не оставляешь выбора мне, — ответил он. — Упёрлась и сидишь. Трясёшься вся, а сидишь.

— Я не трясусь.

— Врёшь.

Она промолчала. Он был прав.

За окном где-то далеко завывала сирена. Люба посмотрела на часы. Половина второго. Дежурство шло своим чередом, а она сидела в палате у заключённого, который должен был быть самым страшным в этом крыле.

— Знаете, — сказала она тихо, — я боялась, что вы будете ко мне прикасаться.

Руслан не шевельнулся.

— А теперь?

— Теперь я боюсь, что вы не дадите себя лечить. И завтра у вас будет сто сорок на девяносто, а вы будете лежать и смотреть в потолок, потому что вам скучно.

— Со ста сорока не умирают.

— Со ста сорока не умирают, — согласилась она. — А со ста восьмидесяти — да. И я не хочу, чтобы вы умерли в мою смену.

Он хмыкнул.

— Не из-за тебя. Из-за отчёта.

Она не улыбнулась.

— Из-за вас.

Пауза затянулась. Руслан смотрел на неё, и впервые за долгое время ему не хотелось, чтобы кто-то вышел из палаты.

— Ладно, — сказал он. — Таблетки давай. Запью чаем.

Люба моргнула.

— Чай холодный.

— Нагрей.

Она встала. Ноги слушались уже лучше. Подошла к тумбочке, взяла кружку, налила из термоса. Руки не дрожали.

— Сахар? — спросила.

— Я не ем сладкое. Ты же читала.

— Чай без сахара — это не сладкое.

Он помолчал.

— Клади один.

Она положила. Размешала, подала таблетку.

Руслан взял. Проглотил, запил, поморщился.

— Гадость.

— Привыкнете.

— Не привыкну.

Она забрала кружку, поставила на место. Отошла к двери.

— Я приду утром, — сказала Люба. — Померить давление.

— Приходи.

Она взялась за ручку.

— Люба.

Она обернулась.

— Ты правда прочитала всё личное дело?

— Да.

— Зачем?

Она подумала.

— Потому что вы сказали, что я боюсь себя в этой палате. Вы были правы. А когда я читаю, я понимаю, что вы просто человек. Который не любит сладкое и терпеть не может своего адвоката.

Руслан смотрел на неё из темноты.

— Иди уже, — сказал он. — Дежурь.

Дверь закрылась.

В коридоре Люба прислонилась спиной к стене и выдохнула. Сердце колотилось где-то в горле. Но впервые за вечер — не от страха.

А в палате Руслан снова смотрел в белый потолок.

Потолок был всё такой же скучный. Без трещин.

Но ему почему-то перестало хотеться его разглядывать.

Глава 3

Вторая ночь.

Люба вошла без стука. Не потому, что осмелела — просто в руках был лоток с тонометром, карта и стакан тёплого чая. Руки заняты.

Руслан сидел на кровати. Не лежал, не смотрел в потолок — сидел, откинувшись на подушку, и ждал.

Она заметила это сразу. Вчера он даже не повернул голову, когда она вошла. Сегодня смотрел в дверь.

— Давление, — сказала Люба, ставя лоток на тумбочку.

— Я помню.

Она надела манжету. Пальцы привычно нащупали пульс. Руслан молчал, но смотрел не на манжету — на её лицо. На то, как она хмурит брови, считая удары. Как кусает губу, сосредоточившись.

— Сто тридцать на восемьдесят, — сказала она довольно. — Таблетки работают.

— Я не сомневался.

Она убрала тонометр, взяла карту, чтобы записать. Руслан следил за ручкой в её пальцах.

— Ты всегда так старательно пишешь?

Люба подняла глаза.

— Что?

— Буквы выводешь. Как первоклассница.

Она посмотрела на карту. Потом на него.

— Вас кто-то учил делать комплименты?

Он усмехнулся.

— Это не комплимент. Это наблюдение.

— Наблюдайте за своим давлением, — парировала она, закрывая карту.

Руслан не ответил. Он смотрел, как она поправляет халат, как убирает выбившуюся прядь за ухо, как ставит чай на тумбочку — ближе к нему.

— Вы сегодня ужинали? — спросила Люба.

— Да.

— Не врите.

Пауза.

— Откуда знаешь?

— Плов был. Вы его не взяли, я проверяла.

Он прищурился.

— Ты за мной следишь?

— Я работаю, — она сказала это ровно, но щёки чуть порозовели. — У меня смена.

— Ага. Работаете.

Он откинулся на подушку, но взгляд не отпустил. Люба заметила это. Заметила, как он смотрит — не на халат, не на планшет, а в лицо. В глаза. В губы, когда она говорит.

Ей стало не по себе.

Не страшно. Другое.

— Я принесу вам йогурт, — сказала она, чтобы заполнить тишину. — Из столовой. Они дают на ужин, если попросить.

— Ненавижу йогурт.

— Вы ненавидите всё.

— Не всё.

Люба замерла.

— Чай с сахаром я пью, — добавил Руслан. — Одним пакетиком. Ты запомнила. Она моргнула.

— Это моя работа — запоминать.

— Ага, — повторил он. — Работа.

Тишина повисла между ними, плотная, как воздух перед грозой. Люба вдруг остро осознала, что они вдвоём. Что за дверью — коридор, охрана, другие палаты, другие люди. А здесь — только он и она.

И эти наручники.

Руслан перевёл взгляд на цепь, соединяющую его запястье с каркасом кровати. Дёрнул. Металл звякнул.

— Бесят, — сказал он буднично.

— Это временно.

— Всё временно.

Он снова посмотрел на неё. И Люба впервые не отвела глаза.

— Что вы на меня так смотрите? — спросила она тихо.

— Ты правда хочешь знать?

Она не ответила. Не кивнула. Но и не ушла.

Руслан помолчал. Потом сказал — медленно, спокойно, будто читал вслух:

— Я два года смотрю на серые стены, серые лица, серые разговоры. Ты заходишь — и в палате становится светло. Не от лампы. От тебя.

Люба замерла.

— Я не умею говорить красиво, — добавил он. — Я строитель. Я умею класть кирпичи и считать арматуру. Но я смотрел на тебя вчера, как ты сидела на этом стуле, дрожала, но не уходила, и думал: вот она.

— Что — вот она?

Он не ответил. Только смотрел.

Так, что у неё перехватило дыхание.

— Я пришла измерить давление, — выдохнула Люба.

— Ты измерила.

— Я... мне нужно идти.

— Нет.

Это было сказано так спокойно и так весомо, что она не сдвинулась с места.

— Посиди ещё, — сказал Руслан. — Пять минут. Чай остынет.

— Это ваш чай.

— Я не хочу чай. Я хочу, чтобы ты посидела.

Люба смотрела на него. На цепь. На его руки — тяжёлые, в шрамах, рабочие руки, которые сейчас лежали неподвижно вдоль тела.

— Вы бы... — начала она и осеклась.

— Что?

— Если бы не наручники. Вы бы... тронули меня?

Руслан моргнул. Впервые за весь разговор он выглядел растерянным.

— Зачем ты спрашиваешь?

— Хочу понять.

Он долго молчал. Потом посмотрел на свои руки.

— Я бы не тронул, — сказал он тихо. — Я бы просто смотрел. Как сейчас. Потому что трогать — значит спугнуть. А я не хочу, чтобы ты улетала.

Люба стояла, прижимая карту к груди, и чувствовала, как внутри что-то сжимается.

— Я не птичка, — сказала она.

— Знаю.

— Я вообще-то упрямая.

— Знаю.

— И я всё ещё вас боюсь.

— Знаю.

Он смотрел на неё. Спокойно, без улыбки.

— Но сидишь же.

Люба села.

Не на стул у двери — на край стула, который вчера стоял далеко, а сегодня оказался ближе. Сама не заметила, как придвинула.

— Расскажите про стройку, — сказала она.

— Зачем?

— Интересно.

— Тебе правда интересно или ты из вежливости?

— Если бы я была вежливой, я бы уже ушла. У меня обход через десять минут.

Руслан усмехнулся. Коротко, но по-другому. Не холодно.

— Хорошо. Стройка. Был у меня объект в центре...

Он говорил. Люба слушала. Иногда записывала в карту — но не показатели давления, а названия улиц, этажность, сроки сдачи. Сама не понимала, зачем.

За окном шумел город. В палате горел только ночник.

Когда она вышла, было уже почти три.

В коридоре Люба остановилась, прислонилась к стене и закрыла глаза.

Сердце колотилось.

Но не от страха.

Руслан смотрел в потолок.

Потолок был скучный. Белый, без трещин.

Но Руслан его не видел.

Перед глазами стояла она. Как поправляет прядь. Как хмурится над картой. Как сказала: «Я не птичка».

Он дёрнул цепь. Бесполезно.

Впервые за два года ему было мало просто смотреть.

Глава 4

Он слушался всю неделю.

Пил таблетки без споров. Ел плов, хотя остыл. Ходил на ЭКГ и даже не смотрел на аппарат с угрозой. Охрана переглядывалась: подменили человека. Руслан молчал, смотрел в окно и ждал пятницы.

В пятницу его везли на КТ.

Он знал этот маршрут. Коридор, лифт, переход, ещё один лифт, крытая галерея. Стекло-панельная дверь на технический этаж. Выход на крышу.

Там ждал вертолёт.

Всё было просчитано. Люди, которые помогали, получили своё — деньги, обещания, гарантии. Руслан не брал в рот сигарету два года, но сегодня курил бы, если б дали. Азарт. Наконец-то.

Он вышел из палаты в наручниках, как всегда. Конвоир справа, конвоир слева. Шаг, ещё шаг. Коридор больницы пах лекарствами и хлоркой. Где-то плакал ребёнок. Где-то гремели каталкой.

Руслан шёл и смотрел прямо перед собой.

А потом увидел Её.

Люба стояла у поста с картонной коробкой в руках. Сверху торчал край вязаного шарфа и кружка — та самая, из которой он пил чай. Она складывала вещи. Уходила.

Она подняла голову, когда он проходил мимо.

Их взгляды встретились.

— Сегодня последний день, — сказала она тихо, будто оправдываясь. — Практика закончилась.

Руслан остановился. Конвоир дёрнул его за локоть, но он не двинулся с места.

— Уходишь?

— Да.

— Куда?

— Домой. В другой город. У меня распределение.

Он смотрел на неё. На эту дурацкую кружку, на шарф, на её серьёзное лицо. Она не знала. Ничего не знала про вертолёт, про крышу, про то, что через семь минут он станет свободным человеком.

— Руслан, нам пора, — сказал конвоир.

— Иди, — кивнула Люба. — Счастливо.

Она улыбнулась. Просто, по-человечески.

Он кивнул и пошёл дальше.

Шаг. Второй. Лифт.

Двери закрылись.

Руслан смотрел на своё отражение в металлической панели и думал: «Счастливо».

На крыше дул ветер.

Винты вертолёта уже рассекали воздух, лопасти мелькали в свете прожекторов. Руслан скинул больничную куртку, остался в чёрной кофте. Наручники сняли — свои же, подкупленные, ключ был в кармане с самого утра.

Он сделал шаг к вертолёту.

И остановился.

Она стояла у стеклянной двери. Растерянная, с коробкой в руках. Ветер трепал её волосы, халат развевался, а она смотрела на него круглыми глазами и не понимала, как здесь оказалась.

— Я... я вышла на улицу, там сказали, это короткий путь... — пролепетала она. — Я заблудилась...

Руслан смотрел на неё.

Вертолёт ревел. Пилот показывал жестом: быстрее.

— Иди сюда, — сказал он.

— Что?

— Иди. Сядешь в вертолёт.

Люба отшатнулась. Коробка выпала из рук, кружка разбилась о бетон. Осколки брызнули в стороны.

— Вы с ума сошли. Нет.

Он сделал шаг к ней.

— Не подходите!

Она пятилась, но спиной уже упёрлась в дверь. Руслан подошёл вплотную.

— Я не оставлю тебя здесь, — сказал он. — Ты сказала «счастливо». Я так не умею.

— Это похищение! Вы не можете!

— Могу.

Он наклонился, подхватил её за талию и одним движением закинул на плечо.

— Отпустите! Руслан!

Она била его кулаками по спине, по шее, по голове. Он даже не почувствовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.